

Саша Семигорская

18+

ПОШЛИНА НА ТРУП

Саша Семигорская

Пошлина на труп

<https://litres.ru/74243159>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Вольной Гавани сборщики не спрашивают, откуда у тебя покойник. Спрашивают, сколько ты за него заплатишь.

Тая Хинфан — убеждённый алхимик. Её очередной эксперимент закончился штатным взрывом. В рамках допустимой погрешности. Обошлось без трупов, пока кто-то из соседей не поделился своим.

Теперь Тая должна сумму, которую не заработала за всю жизнь, а сборщик щедро выделил три месяца и уютную плаху.

Но Гавань полна сомнительных возможностей, а Тая полна надёжных планов. Осталось не наплодить новых трупов. Или хотя бы спихнуть их кому-то другому.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Саша Семигорская

Пошлина на труп

Глава 1

Опытные соседи уже заперли двери и спрятались. Над домом Таи Хинфан поднимался зелёный дым.

Остаться просто зелёным ему не хотелось. Он закручивался в фигуры русалок и грибов, окрашивался в розовый, ускользал выше и достигал чаек в небе над Вольной Гаванью. Чайки от этой встречи восторженно падали замертво. Две птицы увернулись от облака с такой прытью, что можно было заподозрить их в разумности.

Очередная неразумная шлёпнулась на мостовую. Стелившиеся по камням туманные язычки взметнулись вокруг тушки, улеглись — и поплыли дальше. Видимого вреда не причиняли, но на всю округу воняли сваренной с рыбьими кишками капустой. Соседка с грохотом захлопнула последнее открытое окно.

Хозяйка руин наблюдала с другой стороны улочки. Здесь, по её мнению, находилось лучшее сочетание безопасности и возможности созерцать результат алхимического опыта. Девушка держала на сгибе локтя холщовый мешок с ляжками, а в руке — жареную куриную ногу. Пропускать обед только

из-за взрыва лаборатории было бы глупо.

— Зато левые полдома удержались. — Тая оторвала зубами кусок мяса. — Я и на половине уместусь.

Стоявший рядом Берзан Лимлай опирался на стену и походил на скептически поджавшую губы гору. Он возвышался над хрупкой девушкой на пару голов и мог бы унести её на плече, даже не почувствовав. Чем иногда пользовался.

Парень покрутил в руке кольцо вяленого кальмара и обвёл взглядом уцелевшие камни. Рвануло на кухне. В остальном сохранилось почти всё из того, что пережило прошлые осечки — часть второго этажа, кусок крыши и даже доски, заменявшие пару оконных стёкол. Гармонию нарушал провал в стене, из которого продолжал валить дым.

Берзан поднёс кальмара к носу, занюхивая вонь алхимии.

— Но все твои порошки теперь развлекают чаек. Инструменты опознаешь по осколкам и ключьям латуни. — Он оглядел стоящие рядом дома. — Соседей не убила. Дёшево отделалась.

— Пока.

Тая указала обглоданной косточкой на вытекавшую из-под двери дома оранжевую жижу. Непредвиденный результат опыта угрожающе пузырился и стрелял брызгами во все стороны. Мостовая под ним сжималась и краснела.

Берзан сунул кальмара в рот и неторопливо прожевал.

— У тебя есть зелье, которое это успокоит? Или хоть мазь, которая сделает твоё лицо не твоим? Навсегда.

Тая пожала плечами, прицелилась и швырнула косточку в лужу. Жижа с аппетитом хлюпнула и обволокла добычу. Тая вытянула шею.

— О, забурлило.

Кость с фонтаном вылетела на высоту роста Берзана, кувыркнулась в воздухе и стукнулась о брусчатку. Трижды подскочила, остановилась и пошла в рост. За секунды она достигла размеров полена и издала звук, напоминающий пьяную песню. Лужа стала в полтора раза шире.

— Ну... — Тая прочертила пару линий ногтем на ладони.

— Её нельзя кормить.

Берзан скрестил руки на груди.

— Очевидно.

Тая выудила из кармана потрёпанный, но чистый клетчатый платок и принялась вытирать пальцы, не отрывая взгляда от жижи.

— Также очевидно, что кость мертва, а растёт. Магия смерти, больше некому. И поёт — вероятно, воздух. Минимум две ветви в одной луже. — Она хмыкнула и расправила плечи. — Если эмульсия устойчива, можно гордиться. Изда-лека.

Берзан возвёл глаза к небу. Тая продолжила:

— А что там ещё из битых склянок натекло, один морской зубастик знает. В это варево пусть лезет тот, кто бессмертный. — Девушка кивнула на соседний дом. — Ну или Астерина, эту старую каргу не жалко. Я туда ни ногой, ни паль-

цем.

Окно Астерины возмущённо скрипнуло створкой. Тая скорчила ему рожу.

Берзан проводил взглядом пузырь на поверхности лужи.

— Вот где кончается азарт Таи Хинфан. На краю этой дряни. — Он шагнул подальше и снова прислонился к стене. — А план какой? Стоим и ждём, пока само сдохнет?

Тая убрала платок и пригладила взъерошенную копну мелких светлых кудрей.

— Первый пункт плана: рыбный пирог. — Она сорвала с запястья ленту и завязала хвост на затылке. — И капля эля. Две капли. Идём к Зетте. Реакция к завтрашнему вечеру точно уляжется. Вернёмся — разберём, что сдохло, что уцелело, и кто рискнёт поторговаться за убытки.

Берзан вытянул руки перед собой и повёл ладонями в воздухе, повторяя контур дыры в стене.

— Как считаешь, в этот проход два жирдяя разом пройдут? Или три? — Он обернулся к Тае и поджал уголок губ. — Пока ты жуёшь, кто-то шустрый перетащит уцелевшее ближайшему скупщику. Астерина тебе уже грозилась. Старуха точно шепнёт кому-то.

Тая протяжно вздохнула.

— Какой ворюга полезет в лабораторию алхимика без заветования? Тем более в ту, где булькает и дымится. К тому же, — она тряхнула мешком, — всё, что стоило уберечь, уже при мне. Остальное пусть тащат, если руки лишние.

Берзан прищурился, изучая мешок тем же взглядом, каким оценивал краденое добро.

— Что на этот раз? Туша трёхкопытного петуха?

— Лучше! Глянь. — Тая вытащила тряпичный свёрток и бережно развернула. Солнце заиграло на всех морщинках засохшего яблочного огрызка. — Его фоксан чувств съел. Не спрашивай, кто, я знать не знаю. Просто повезло найти. — Она убрала огрызок, закинула мешок на плечо и двинулась по переулку. — Ещё бутылка, которую фоксан материи в руках вертел. И песок... — девушка понизила голос. — На него маг воды наступил. Настоящий маг, не фоксан. Прямо в порту добыла.

Берзан хмыкнул и сунул руки в карманы, шагая рядом.

— Так это тот, который течения крутит. Там поди полберега в его следах. Мелковата находка.

— Да прям! — Тая ткнула его кулаком в бок. — Он там понаставил на дно своих игрушек, они и работают. А сам смылся домой на Золотой Гребень. — Она махнула рукой в сторону северного мыса бухты. — Я месяц караулила, когда его позовут воду к весне перетряхнуть. Месяц! Так что не «мелковата», а заслуженный трофей.

— Заслуженный — это когда рыбак тебе саму воду с магией из моря тащит, пока ты дома лежишь. А у тебя — вымученный.

— Хороший компонент без мук не достаётся. А оценщику положено знать, какие рыбаки цены ломают. Пять таленов

за стакан! — Тая пнула пустую бочку, забытую посреди переулка. — И самой в море не выйти — меня там причальные в лицо запомнили.

— Ещё бы не запомнили. Два ведра переть — не флягу за пазуху сунуть.

Тая глянула на него из-под бровей. Берзан рассмеялся и поднял ладони.

— Ладно, признаю. Ты великий следопыт. Шляпу б снял. — Он потёр коротко стриженную макушку. — А в бутылке что ценного? Ты же сама фоксан материи.

— Так я латунь гну, а тот парень — дерево. И у меня согнутое застывает, а он руку убрал — и доска обратно разогнулась.

— А что толку? В твой котёл какого фоксана ни кинь — вылезет не то, что ты ждала.

Тая раскинула руки.

— Я алхимик. Моя работа — делать не то с умным лицом. А чужой дар — это свежее «не то». Может, однажды попадётся величайшее «не то» в Гавани.

— Ну, сегодня ты точно на пути к величию. — Берзан ткнул большим пальцем за спину, где ещё виднелся столб зелёного дыма. — Чайки уже склонили головы.

— Это не то «не то». Это ошибка инструмента. — Тая встряхнула мешок. Инструмент виновато звякнул внутри. — Я б эти агатовые щупы в бухте утопила. Но от других вообще непонятно, чего ждать. Эти хоть врут знакомо.

Берзан кивнул. Он давно выучил, что красный агат у Таи виновен не только во взрывах, но и в дождях, простудах и каждой подгоревшей сардине.

Улица Буйных Огней приближалась — из бокового проулка, прижимая к груди бутылку, вывалился краснолицый матрос. Он осмотрел Берзана мутным взглядом, икнул и принял верное решение рухнуть ничком.

Тая остановилась у пьяного тела.

— Только из ходки.

— Зря сразу надрался. — Берзан поддел моряка ногой и перевернул набок. — Теперь ни в одном борделе не примут.

Девушка наклонилась и выдернула из кармана павшего бумажный кулёк с солёными крендельками.

— Так, может, он сначала в бордель и зашёл, а потом надрался?

— Ерунда. — Берзан указал на отпечаток ботинка на штанах обворованного бедолаги. — Это Большого Роя нога. А «Сытый боцман» — первый трактир, если из порта топать. Не дошёл он до борделя.

— Куртизанку, выходит, без заработка оставил. — Тая перешагнула моряка и хрустнула кренделем. — Я отомстила за неё. Вкусно.

Она положила ещё один крендель на язык и прикрыла глаза, наслаждаясь особенным привкусом краденой еды. Берзан догнал Таю в два шага, стянул из кулька добычу и закинул в рот.

— Вкусно. — Он прожевал и покосился на Таю. — Но с бутылкой не убедила. Фоксаны разума, чувств — это ясно, их ещё попробуй найди. Огрызок — ценность. Полновесный маг — само собой. Но фоксан материи? Пошла бы да попросила ещё. Или этот тоже пять таленов заломил?

— Не заломил. — Тая перехватила мешок поудобней. — В море он ушёл. Куда-то на север, далеко. Там штормит так, что мачты трещат, вот его и наняли. Чтоб гнулись, а не ломались. Раньше Пьяного Моря не вернётся.

Берзан потёр середину лба и махнул рукой.

— Ладно, твоя взяла. Бутылка — сокровище. Идём есть.

Тая улыбнулась, вскинула голову и прибавила шаг.

Улица Буйных Огней преданно служила единственному богу города — деньгам. Её делом было выжимание кошельков всех, кто прибыл в порт. Широкий рассадник кабаков, борделей и двусмысленных купален начинался от набережной и заканчивался не для всех удачно.

Днём улица притворялась работающей: скрипела гружёными телегами, звенела монетами, обсчитывала, обвешивала, пахла смолой и потом. Злачные заведения работали вполноги. Ночь ещё не взяла своё, но уже выглядывала из-за угла, поигрывая бутылкой и выставляя ножку в разрезе юбки.

Таверна «Солёная кружка» не сверкала прелестями, но обещала горячую еду, холодный эль и крышу, которая не текла, пока не начинался дождь.

Первый этаж занимала трактирная стойка и десяток побитых жизнью и чужими головами столов. На втором уместились пять спален: Берзана, его сестры Зетты и ещё три для тех, у кого нашёлся тален за ночлег. А тем, кто наскрёб лишь пятьдесят фертов, распахивал дверь гостеприимный чулан.

Таверна держалась на трёх ногах: ром, эль и умение Зетты гасить драки взглядом. Если навыков трактирщицы оказывалось мало, взгляд становился по-родственному требовательным и смещался к Берзану. Именно так Зетта встретила вернувшихся из алхимического пекла друзей.

Тая поморщилась: пирогами не пахло. Пахло лимонами. Ящичками, кадками и бочками лимонов, среди которых Зетта неоднозначно махала ножом. С виду она резала плоды крест-накрест, но остриё явно поворачивалось в сторону Берзана.

— Ты совладелец или пассажир? — Нож воткнулся в стол.
— Меня другая работа ждёт. Твоя вахта.

Берзан выставил перед собой ладони.

— Я оценщик и вышибала. Если ты эти лимоны стырила — я их оценю. Если купила — ты переплатила. А резать — это к кухарке.

— Кухарка сбежала. Не выдержала моего командования.
— Зетта сунула в разрезанный лимон ложку соли и бросила его в кадку. — Не виню. Я, может, тоже устала командовать. Бери нож.

Тая тихо застонала. Пироги отсутствовали безвозвратно. Не прятались за запахом лимонов, не ждали очереди в печь,

а удрали вслед за кухаркой. Девушка обернулась к двери. За ней Буйные Огни обещали еду и выпивку любому кошельку, даже её.

Зетта поднялась и, вытирая руки о передник, загородила путь к отступлению. Её взгляд не предвещал ничего съедобного.

— Даже не косись туда, чайка. Для тебя тоже дельце есть.

Тая вздохнула, подхватила из ящика жёлтый плод и подкинула на ладони.

— Я могла бы намешать тебе рассол с магией, но в лаборатории идёт эксперимент. Однако гипотезу выдвинуть могу хоть сейчас. Ты готовишь кислую казнь. Чью морду ты хочешь скривить до затылка?

— Лимон с солью — почти алхимия. Изучай. — Зетта пнула дубовую бочку. — Это не на казнь, а на продажу.

Берзан облокотился на стойку и ухмыльнулся так, что руки Зетты потянулись к ножу. Тая перехватила оружие, лишив заведение кровопролития, и вонзила его в лимон. Лимон пострадал.

— Зетта, сейчас даже оборванцы на Горелом Берегу это солят. — Берзан подхватил три глиняные кружки и двинулся к бочонкам в углу. — Ты чем всех перебить собралась? Своим ласковым обхождением?

Зетта дождалась, пока он наполнит кружки тёмным элем, отобрала одну, жадно глотнула и лишь потом заговорила:

— Вот ещё. Будто я прямо тут продавать собралась. —

Она хлопнула ладонью по ящику. — Южанам пойдёт. В Аскарии солёный лимон — как у нас их перец. На внешний рынок выходить надо, понял? — Зетта уселась на край стола и качнула ногой. — В «Кружку» аскариец повадился. Помощник купца, не матрос. Накладки у них с нашими портовыми, а кошелёк жмут. А пока жмут — на штрафном приколе стоят. Вот и считай. Пока они зубами скрипят, я им трюм забью.

Берзан прищурил глаз, разглядывая сестру, отпил эля и причмокнул.

— Будто у них лимоны не растут. И думаешь, почему откупиться не хотят? Это ж аскарийцы. С их законами, печатями, бумажками с гербами. — Он поставил полную кружку перед Таей, которая увлечённо пилила лимон. — И поставщики у них наверняка от прадеда ещё. А ты ему кто? Или уже напоила до того, что он твой навеки?

Зетта фыркнула.

— Пыталась. Он на мою помятую рожу не клюнул. — Она подошла к Тае и нависла над головой. Тая съёжилась и прикинула расстояние до двери. — Но у нас тут алхимик на борту. Вот и намешай чего-нибудь. Хоть для лимонов, хоть мужика охмурить — как выйдет. Он либо на товар потянется, либо на твоё красивое личико.

Тая сдвинула брови. Чуть вздёрнутый маленький нос, острый подбородок и большие зелёные глаза делали её похожей на куклу. Девушка считала, что именно это мешает окружающим разглядеть учёного. Она швырнула лимон в бочку и

отодвинулась от трактирщицы вместе со стулом.

— Кого охмурять, аскарыйца? — Тая принялась загибать пальцы. — Во-первых, они зануды. Во-вторых, некромантов жгут. Как учёный, я протестую. Как деловой человек — негодую. Маги дорого берут, и сборщику золотишко отсыпаяют. А аскарыйцы их — в костёр. Дилетанты. — Она потрянула головой. — В-третьих, моё лицо — побочный эффект, не инструмент. А вот лимоны...

Девушка уставилась в потолок. В голове бегали и толкались формулы, цифры и компоненты. Мысль спотыкалась о воображаемые останки дома, вставала и снова падала. Чего-то не хватало. Щепотки катализатора. Или целой лаборатории.

— Стоп. — Тая схватила кружку и отхлебнула. — Я за пирогом пришла. Рыбным. А ты мне лимонную каторгу на голодное брюхо. Это несерьёзно. — Она откинулась на спинку. — Сначала поесть. Завтра скажу, что можно выжать из лаборатории. А хочешь охмурять — куртизанку найми.

Зетта усмехнулась.

— А я и наняла. Скоро явится. Мейса. Да вот она не в нужном виде. С грузом. — Трактирщица похлопала по животу, обернулась к брату и скрестила руки на груди. — Твой груз, папаша. Кольцо готовь.

Эль свернул не в то горло Берзана. Парень закашлялся, согнулся пополам и замахал рукой. Тая цапнула ближайший лимон и впилась в него зубами, переводя взгляд с жертвы

на палача. Зетта не впервые пыталась женить брата, но беременные куртизанки в её арсенале ещё не появлялись.

— Какой, сожри тебя медуза, папаша?! — Берзан вытер рот рукавом. — Да я к Мейсе полгода не ходил. Я этому грузу даже не дядя!

— Так и грузу полгода. — Зетта пожала плечами и фыркнула. — Да хоть и не папаша. Ты суть улови. Мейса — девка дельная, работы не боится. Палубу готова драить, по камбузу помочь. Лет через пять ещё одни руки подрастут. Картошку чистить. Через десять — булки печь.

— Протестую! — Тая ударила кружкой по столу. — Рабы, даже кухонные, в Вольной Гавани в чёрном списке товаров. Напомню: в настоящем чёрном.

— Зетта! — Берзан ткнул пальцем в сторону сестры. — Нужна жена — сама замуж иди. За пекаря, за боцмана, хоть за сушёного осьминога. Ты здесь капитан, тебе и наследников растить. Моё дело — пить эль, взвешивать краденое и буйных за порог вышвыривать.

— Да я бы и вышла! — Зетта пнула ящик к стене. — Только префектура бумагу о вдовстве ещё год мариновать будет. А пока не признали, что муженька крабы сожрали — я замужняя.

— А купить? — Тая раскинула руки так, что надкушенный лимон улетел в угол. — Тридцать таленов — и крабы сожрали его официально. Хоть сегодня замуж.

— Тебе-то легко рассуждать. — Зетта упёрла руки в бока.

— Мужья понимающие. Померли и без доплат оформились. А мне свои кровные выкладывать?

Тая отпила из кружки и подняла палец.

— Это не они понимающие. Это аномалия. Просто очень удачная.

Зетта махнула рукой, подхватила кадку с лимонами и зашагала на кухню. Как только дверь захлопнулась, Тая с выдохом растеклась по стулу. Берзан держался крепче — просто опустил плечи. План с пирогами был похоронен, но надежда на густую рыбную похлёбку ещё цеплялась за край тарелки.

Мейса с пузом явилась через полчаса. Она приехала в Гавань с Тихих островов с горящими карими глазами и грандиозной мечтой. Мечта имела свои планы и запихнула её в купальню «Жаркие воды», а затем окунула в «Солёную кружку», что было ещё очень великодушно.

Берзан и Тая встретили куртизанку хмурым взглядом, и та благоразумно заговаривать не стала.

Друзья устроились в привычном углу. Оценщик раскладывал на столе лупы и щипцы, готовясь примериться к воровской добыче.

Тая засунула в тайник под столешницей балансник — прибор, немного оттягивающий момент смерти алхимика. Из погнутой латунной коробки торчали семь тросиков со щупами из красного агата — по одному на каждый вид магии. Но услышав о ней, любой вор умножал цену с таким усердием, что у него дымились мозги. Тая не могла этого до-

пустить. Она пропустила тросики под рубашкой и вытащила из рукава только скромные кончики щупов.

Зал набивался моряками, докерами и шулерами. Публика приносила запах эля и табака, гудела байками, хохотала и иногда отвлекалась на стук упавшего тела. Берзану и Тае наконец досталось по миске похлёбки. Тая втянула аромат и вспомнила о светлых сторонах Зетты.

Берзан, не отрываясь от супа, осматривал краденые безделушки. Тая незаметно тыкала в них щупами. Дважды агат потеплел. Еле-еле, но алхимику пригодится и такое. В «Солёной кружке» Тая могла позволить себе многое. Берзан, не моргнув глазом, но заметив особое моргание подруги, называл вору цену, от которой тот вздыхал, ворчал, но соглашался продать на месте, чтобы пропить наконец заработанное. Пропивали обычно здесь же, так что барахло с магией доставалось Тае, а её монеты делали круг по залу и ссыпались в кассу Лимлаев. Всем было удобно. Мнение вора не учитывалось.

Тощий тип в потёртой зелёной шляпе бросил на стол оценщика круглый серебряный амулет на цепочке.

— Это, что ли, твоя семейная ценность?

Тая выпрямилась. Берзан подался вперёд, но тут же скривил губу и качнул головой.

— Не она. В моей дырка в центре и два красных камня.

Он привычным жестом бросил товар на весы, а Тая подпёрла рукой щеку, разглядывая отблески серебра. Опять не

того серебра.

Поток краденого постепенно истощался, и Берзан устал на Мейсу. Та сновала по залу, выпятив живот, как нос корабля. Расчёт был верен: ни одна пьяная рука не тянулась к куртизанской корме.

— Как считаешь, — Берзан откинулся на спинку и вытянул ноги под столом, — за труп беременной пошла двойная?

Тая отставила пустую тарелку, притянула кружку и с задумчивым видом постучала пальцами по ручке.

— Это же гипотетический вопрос? Ты и одинарную не вытянешь. Разве что долю в таверне продашь.

Берзан закинул руки за голову и покачался на стуле.

— Само собой, гипотетический. Я и за один труп платить не собираюсь. Бухта под боком, булыжник найдётся. А нет трупа — нет пошлины.

— Ну... — Тая глянула на живот Мейсы и хмыкнула. — Двойную заломят. Но сторговаться до полуторной — плёвое дело. — Она перевела взгляд на Берзана. — А план у тебя какой? Кроме гипотетического булыжника?

Берзан отхлебнул эля и пожал плечами.

— Да пусть тесто месит. Пока не лезет ко мне. А лет через пятнадцать гляну на кухонного раба. Если отрастит моё лицо — впишу в завещание. Гипотетически.

Вечер катился, как и всегда: пойло, гвалт, сплетни. Под занавес Берзан извлёк из-под столов три туши. Одна вста-

ла и даже куда-то побрела, другие улеглись с двух сторон от крыльца. Ночи стояли ещё прохладные, но не настолько, чтоб к утру получить окоченевшую неприятность под дверью. Зимой их оттаскивали подальше — к чужой двери. Соседи занимались тем же, поэтому выигрывал тот, кто очистил свой порог, пока город не слишком проснулся. Гильдия трактирщиков отчасти решала проблему парой телег и тёплым складом. Но гильдия требовала взносов.

Последняя алхимическая лампа с кваканьем раскололась, таверна выдохнула, и все разбрелись по спальням. Тая накрылась одеялом с головой и уснула мгновенно. Ей снился зелёный дым. Он закручивался в фигуру куртизанки, которая уплетала рыбные пироги.

Утром Тая истолковала сон однозначно: пирогов было много, значит, и в лаборатории уцелело больше, чем она рассчитывала. Девушка наспех умылась и засобиралась домой. Берзан увязался следом — на случай, если соседи решат, что бить алхимика надо, не дожидаясь следующего взрыва.

Через дорогу нашлись пироги. Ароматные, свежие, а количество начинки было неприлично большим для порта. Тая решила, что пекарь либо нездешний, либо у него хитроумный план. Взяли по три штуки: с сыром, с треской и с грибами. Жевали на ходу, лавируя по переулкам среди бочек, котов и кадок с цветами.

Чем ближе они подходили к лаборатории, тем гуще становился встречный поток. Тачки скрипели под тяжестью ку-

риных туш размером с индюка. Самого индюка, доросшего до хорошей свиньи, тащили следом двое красных от натуги мужиков. Следующая пара надрывалась с носилками. С них свисала камбала, способная служить одеялом.

— С сыром — стоп! Не сработает! — голосил мальчишка на крыше. — Капусту, творог разворачиваем! Кальмар, шевелись давай!

Тая отскочила от корзины, забитой креветками размером с человеческую голову. Берзан проводил их взглядом.

— Тален на кон, что оно ещё и поёт. Твоя лужа может гордиться. Рыбаки и мясники сегодня без прибыли.

— Гордиться могу я. — Тая сунула в рот последний кусок пирога. — Ошибка — мать открытия. Лучшее в алхимии случается, когда всё идёт не по плану. — Она вытерла пальцы платком и махнула на соседские окна. — Пусть теперь хоть заикнутся об убытках — я их в кальмара засуну.

Пробиваться сквозь людей, тачки и локти становилось тяжелее. Таю размазали бы по стене, если бы Берзан не работал тараном. Девушка вцепилась в его рубашку и до самого дома шагала, как лодка на привязи.

— Мешки по тридцать фертов! — Над головами кто-то призывно размахивал тряпкой на палке. — Тележки с носильщиком и без! Довезём по кварталу за полталена!

— Холодный морс! Айвовый сидр! Орехи, гренки с чесноком!

Берзан и Тая вырвались из гуши и огляделись. Дым испа-

рился, а дохлых чаек уже подмели. Лужа разрослась втрое и на этом остановилась. Вокруг неё бурлила, галдела и ругалась толпа. Время от времени пьяными голосами завывала еда. Драки за право подобраться к заветной жиже вспыхивали и тут же гасли — всем было не до мордобоя, когда под ногами булькало чудо.

— В таком сборище точно нашёлся идиот, который внутрь полез. — Берзан нахмурился и указал подбородком на дом. — Идём. Может, успеем за руку поймать.

Они прорвались к дыре в стене и перелезли через остатки камней. Кухня погибла. Чугунная печь раскололась натрое, ледник разлетелся в щепки. Прикидывая, как долго Зетта будет кормить её бесплатно, Тая шагнула в соседнюю комнату.

Там царило неподвижное спокойствие. Ничего не украли — даже любезно добавили. Посреди битого стекла, рваной латуни и того мусора, что алхимики называют компонентами, ненавязчиво разместился труп. Платье с разрезами и смелым декольте честно сообщало о профессии покойной. Шею украшал след от петли.

Берзан замер. Пироги в животе Таи скрутились в узел. Узел не пытался вырваться наружу — он тревожно пересчитывал монеты. Счёт ещё не выставили, но баланс уже не сходился.

Берзан прошёлся вдоль тела, осматривая паршивый товар. — Ну и кто из соседей ненавидит тебя сильнее? Тая вонзила ноготь в запястье и покрутила.

— Все, — выдохнула она. — До вчерашнего — все. А после взрыва — чуть больше, чем все.

Она отступила на шаг и врезалась спиной во что-то живое. Это живое знало, когда прийти, и говорило голосом, от которого пальцы Таи каждый раз вцеплялись в кошелёк в надежде уберечь монеты.

— Госпожа Хинфан, — прозвучало почти дружески. — У вас труп.

Тая обернулась. Над ней с лёгкой улыбкой возвышался квартальный сборщик Джейз Кхаддин.

Глава 2

Если подняться на борт в Вольной Гавани, идти пять дней на юг, огибая Аскарию, свернуть и тащиться ещё неделю на восток, можно вляпаться в Джеран. Отец Джейза Кхаддина проделал этот путь в обратном направлении. Он оставил сыну смуглую кожу, карие глаза и манеры. Рубашка Джейза всегда была выглаженной, руки — отмытыми, а в кожаной папке лежали все нужные бумаги. От него пахло мускатным орехом и дорогим табаком, но впечатление портило то, что на вторую половину он был сборщиком.

Тая переступила с ноги на ногу. Под пяткой хрустнула разбитая пробирка. Девушка ещё раз оглядела труп, втайне надеясь, что он мёртв не окончательно. Не помогло. Тая скрестила руки на груди.

— Это не мой.

Берзан качнул головой, прикрыл веки и потёр уголок глаза. Кхаддин вздохнул с видом человека, который слышал эту шутку уже десятки раз.

— Очевидно, не ваш. Я заметил, что вы вполне живы, госпожа Хинфан. Ваша здесь только пошлина.

Берзан шагнул вперёд.

— Господин Кхаддин, дом взорвался. В стене дыра такая, что хоть телегу загоняй. Притащить мертвяка мог кто угодно. Вы уж простите, но и вы могли.

— Прощаю. — Кхаддин слегка кивнул ему и вернул взгляд на Таю. — Госпожа, вам двадцать пять лет. Весьма ранний возраст, чтобы успеть стать вдовой. Дважды. И в вашем доме очередной труп. Удручающие цифры для случайности, но пошлина поможет мне в неё поверить.

У Таи кольнуло под ребром. Дважды вдова. Она уставилась на улетевший со стола капельный рециркулятор. Его останки покоились у камина. Медный корпус пробило в двух местах и смяло, будто в него врезался чугунный кулак. Возможно, тигель. Первый муж не упустил бы случая напомнить, какой паршивый из неё учёный.

Девушка принялась мерить шагами комнату, насколько позволяли обломки. Позволяли они шага три.

— Первый муж! — Тая вскинула палец. — Алхимик. Подорвался на собственном эксперименте. Пренебрежение ингибитором и не до такого доведёт. Я в это время изучала клешни краба на рынке. — Она развернулась и добавила к поднятому пальцу ещё один. — Второй — картёжник, которого зарезали его же дружки в переулке. Закономерно для картёжника. Я была в «Солёной кружке». — Она остановилась перед сборщиком и упёрла кулаки в бока. — В обоих случаях есть свидетели, которые видели меня в другом месте.

Кхаддин переложил папку в руках и тонко улыбнулся.

— Вам и не нужно было стоять рядом. Колбу можно подменить за час до взрыва. Заплатить оборванцу с ножом —

за день до драки. Напомню, что я закрыл глаза на тех двоих. Пошёл вам навстречу. И вот результат. — Он указал подбородком на труп. — Боюсь, я был излишне доверчив.

Берзан повёл ладонью в воздухе над покойницей.

— Видно же, что мертвяк лежит больно чистенько. Как на прилавке разложили, только ценник навесить. Если бы Тая убила, она бы спрятала. А тут — явились вы. Кто вас, кстати, позвал?

— Меня позвал долг. И давайте предположим: что, если вчерашний эксперимент госпожи Хинфан как раз и должен был уничтожить труп? Я не знаток, но жидкость снаружи влияет на туши животных. Магия смерти, верно? Возможно, раствор планировался для этого тела, но что-то пошло не по плану.

Тая глянула в наполовину заколоченное окно. Лужа уже не бурлила, лишь надувала редкие пузыри. Стоявший рядом мальчишка держал за хвост креветку и с брезгливым разочарованием кривил губу — ракообразное выросло всего до размера ладони. Среди людей мелькнуло синее платье Астерины. Тая фыркнула и отвернулась.

— Если бы я хотела замести следы, я бы не ушла на ночь в таверну, бросив дом с трупом без присмотра. — Она пнула угол камина. — Я бы сидела здесь, следила, растворяла. Не настолько я люблю пироги, чтобы из-за них забыть про мертвеца в лаборатории.

За спиной Кхаддина показалась сгорбленная фигура. Она

подпрыгивала и верещала так противно, что поморщился даже сборщик.

— Ага! — Астерина протолкалась мимо Джейза и указала пальцем на Таю. — Ты ж тут сама хвасталась, что никто не сунется! Орала на всю улицу! Думаешь, не слышно тебя было? — Она потрясла клюкой. — Ты, бестолковая, решила, что взрыв всё за тебя сделал и труп перемолол! Вот и пошла брюхо набивать, бессовестная. А труп-то — вот он!

Тая прищурилась. В её голове уже смешивались компоненты раствора мести. Теорию о том, кто позвал Кхаддина, можно было считать доказанной.

Берзан подвигал челюстью и смерил взглядом бабку.

— Астерина, — он наклонился к старухе, — тут был взрыв, дым, чайки падали. Надышались вы всяким, вот и померещилось. Шли бы домой, отоспались.

— Померещилось? — Астерина побагровела и сморщилась. — Да я эту покойницу знаю! Уличная девка. И второй муженёк вот этой вот, — клюка качнулась в сторону Таи, — шастал к ней. От мести и придушила! Вот и считайте, господин сборщик.

Тая вынырнула из-за плеча Берзана.

— Господин Кхаддин, мой второй муж навещал половину куртизанок порта. Если бы я хотела убить кого-то из ревности, я бы начала с не...

Берзан пихнул Таю локтем в бок. Кхаддин чуть заметно изогнул бровь.

— С мужа! — Астерина подпрыгнула. — Слышали? «С него»! Господин сборщик...

— Спасибо, госпожа Тастияс. — Кхаддин поднял руку. — Идите, у вас ведь полно дел. Кажется, вы ещё не принесли мне отчёт о торговле табаком за прошлый месяц.

Астерина захлопнула рот. Морщины на лице старухи сложились в узор осознания. Она шмыгнула мимо сборщика и скрылась в уже поредевшей толпе.

— Карга аскарийская. — Тая сжала в кулаке горлышко уцелевшей колбы. — Чтоб у тебя ртуть из ушей пошла.

Девушка уткнулась взглядом в пятно на стене и перебрала в памяти сплетни о тех, кому удалось отвертеться от пошлины на труп. В байках говорилось о легендарных героях, таинственных мудрецах и обаятельных хитрецах. Не о ней.

Металлический грохот оборвал размышления — Берзан подтолкнул к ней перевёрнутый котёл. Тая смахнула рукавом битое стекло и уселась. Берзан прислонился бедром к подоконнику и уставился на труп. Труп даже не взглянул в ответ — он смотрел в потолок, наслаждаясь собственной стоимостью.

Кхаддин стряхнул пылинку с манжеты.

— Итак, госпожа Хинфан. Мы можем посчитать только это тело или прибавить к нему смерти ваших мужей. Или дожидаться следующего взрыва, когда погибнет кто-то из прохожих, и прибавить их трупы. Если будет больше пяти за раз, префекту станет интересно. И он поступит так, как написано

в законе.

Таю придавило осознание. По трагичности оно соперничало с утратой рыбных пирогов. Кхаддин позаботится о том, чтобы трупов собралось больше пяти. А торговаться с префектурой округа придётся уже не за размер пошлины, а за палача с топором поострее. Строго по закону.

— Стоп! — Тая хлопнула ладонью по колену. — Я требую некроманта! Пусть поднимет покойную, и она скажет, чьи руки её душили.

Кхаддин поддел пальцем золотой браслет на запястье и неспешно поправил.

— Ни по одному закону вам не обязаны оплачивать мага. Хотите некроманта — приглашайте. За свой счёт.

— А знаешь, Тая, — Берзан скрестил руки на груди и покосился на сборщика, — я б лучше некроманту заплатил, чем ему.

— Позволю себе подсказать. — Кхаддин улыбнулся. — Услуги мага смерти в таком деле обойдутся вам не меньше, чем в тридцать солидов. Я предлагаю решить все недоразумения за двадцать.

Тая дёрнула головой, утрясая цифры. Золотая монета Гавани попала ей в руки лишь однажды, и считать в них было непривычно и больно. Двадцать солидов наконец выстроились в понятные, и от этого ещё более мучительные две тысячи таленов.

Она выудила из кармана кошелек и вытряхнула на ладонь

всё содержимое. Двенадцать таленов и семьдесят фертов. Монеты просили пощады.

— Вы когда-нибудь видели алхимика с солидами? — Тая позвенела серебром и медью. — На что вы рассчитывали, когда шли сюда, господин Кхаддин?

— Я видел, как солиды появляются у любого, когда речь заходит о трупe на руках.

Берзан хмыкнул.

— Солиды из воздуха. Да у вас работа — каждый день чудо. Храм открыть не хотите?

— Чудеса как раз по части госпожи Хинфан. — Кхаддин кивнул на окно, за которым виднелась лужа, и обернулся к Тае. — Пока вы сидели в таверне, ваше зелье творило рыбу размером с лодку. Если бы вы догадались брать по паре таленов за подход, то заработали бы солида четыре всего за ночь. Но вы просто ушли. А алхимия, кажется, выдохлась. Уверен, вам под силу повторить.

Тая глубоко вдохнула, ссыпала монеты в кошелёк и подняла с пола сушёную жабую лапку. Покручивая её в пальцах, девушка встала и прошла по руинам, похрустывая стеклом под ногами.

— Вы оценили мой заработок в четыре солида. Но чтобы достичь такого результата, мне пришлось пойти на жертвы. — Она обвела рукой комнату. — Вы сами назвали сумму, которую я могу заработать. Четыре солида — вот моя пошлина.

— Это цена вашей лужи. А цена трупа определяется не этим. Но я, конечно, дам вам возможность восстановить лабораторию. Восемнадцать солидов.

Берзан подцепил с подоконника осколок реторты и глянул сквозь него на мёртвую куртизанку.

— Пятьдесят фертвов. Обычная цена уличной девки в порту. Ну тален, если клиент щедрый. — Он отбросил осколок и посмотрел в лицо сборщику. — Да она вам столько не приносила, сколько вы за неё хотите.

Кхаддин коротко вздохнул, раскрыл кожаную папку и кончиками пальцев пролистнул бумаги.

— Зора Белнер. В среднем зарабатывала шестьдесят таленов в месяц. Моя доля — двадцать процентов, то есть двенадцать таленов. Сто сорок четыре в год. — Он закрыл папку и поднял взгляд на Берзана. — Она была молода. Если бы не смерть, проработала бы ещё лет десять, а это — больше четырнадцати солидов. Вы отняли у города эту сумму.

Тая сорвала остатки занавески и принялась смахивать осколки с уцелевшего углового стола.

— Впишите меня вместо неё. Только я не на улице стою, а растворы мешаю. В остальном то же — двенадцать таленов в месяц. На десять лет.

— Давайте для начала посчитаем, какие убытки вы приносите. — Кхаддин провёл пальцами по подбородку. — Первое: соседи. Если лавочник боится вашего дыма, он не открывает лавку. Второе: другие девушки. Одна уже перебра-

лась в соседний квартал. Я потерял процент с её заработка. Третье: ваша лаборатория взрывается раз в полгода, и месяц-другой после этого вы ничего не зарабатываете. Это если верить на слово вашим отчётам. В любом случае, мне вы не платите.

Тая царапнула ногтем гранитную ступку, не глядя на сборщика. Не хватало ещё, чтобы этот тип начал ревностно проверять её честнейшие отчёты.

Берзан подхватил обломок стула, осмотрел и отбросил в угол.

— Те соседи, кто поумнее, по домам не сидели. Корзины втюхивали и мешки втридорога. Прячутся только первый час, потом наживаются. — Он швырнул к мусору рваную жестянку. — Куртизанка ушла? Завтра две новых придут. А лаборатории по всем нижним округам гремят, это не новость. — Он обернулся к сборщику. — Вы не убытки считаете, господин Кхаддин. Вы цену набиваете.

— Я набиваю, вы сбиваете. Вы не хуже меня знаете, как это устроено. — Кхаддин пожал плечом. — Но вы хотите заплатить четыре солида и забыть. А я не смогу объяснить префекту, почему взял так мало.

Тая подняла с пола две пробирки, посмотрела на свет и отбросила одну.

— Четырнадцать солидов и сорок таленов — это теоретический выход реакции. Без учёта примесей, влажности и остаточной магии. Зора могла забеременеть и год не рабо-

тать. Могла влюбиться в матроса и уехать с ним в Наргос. Подраться с другой девицей, лишиться зубов и подешеветь вдвое. А вы считаете идеальный выход и ещё накидываете сверху до восемнадцати.

— Если говорить о теории, то она также могла начать зарабатывать больше. Клиент мог сболтнуть ценную информацию, а госпожа Белнер найти на неё покупателя. У куртизанок такое случается значительно чаще беременностей. — Кхаддин задумчиво постучал ногтями по корешку папки. — Четырнадцать солидов и сорок таленов. Не ниже.

Тая дёрнула прядь волос и сощурилась.

— На десять лет? Вы так посчитали Зору.

Кхаддин покачал головой.

— Она была активом с низким риском. Вы — актив с высоким. Вы можете взорваться завтра. Или разворотить полквартила следующим экспериментом. Рассрочка для надёжных плательщиков. Для вас — три месяца, не больше.

— Три месяца? — Тая шумно выдохнула и быстро отложила уцелевшую пробирку, чтобы не швырнуть её в стену. — Вы хотите, чтобы я заработала четырнадцать солидов, пока тут ещё дымится? Да я даже не знаю, уцелел ли мой перегонный куб!

Берзан пнул обломок камня.

— За такой срок тут только мертвяк разложится. Хотите денег — дайте год. Иначе через три месяца опять явитесь, и только зря ноги сотрёте.

На лице Кхаддина проступило выражение, которое, если хорошо прищуриться, можно было принять за сочувственное.

— Приду не я. Через три месяца Пьяное Море. Подсчёт годовой выручки. — Он приподнял папку. — Все бумаги уйдут префекту. Если он найдёт проблемный долг, то ждать не станет. У вас будет два выхода. Плаха — если префект решит, что вы плодите трупы слишком быстро. А мы понимаем, как легко это может произойти у алхимика. — Он улыбнулся краешком губ и помолчал, давая время на осознание всей лёгкости. — И второй выход: продажа долга взыскателям. Боюсь, они вам понравятся куда меньше, чем я.

Тая втянула воздух. Он пах гарью и кислыми реагентами. Ещё пирогами — от пальцев. Она любила Пьяное Море с детства. А особенно с того вечера, когда Берзан сунул ей в руки стопку с солёным утопленником — пробирающим пойлом из рома, рассола, куража и непоправимости.

Каждый год Гавань сверкает, надирается, срывает куш в карты и спускает его на куртизанок и танцовщиц для всего переулка. Город кипит, словно бурная реакция, искристая и беззаботная.

Как оказалось — с побочным эффектом. С бухгалтерией, Кхаддином и его папкой.

Тая фыркнула. Кого вообще волнуют отчёты, когда город пьян, щедр и жаждет зрелищ? А зрелища... Их заказывают. За них платят. Не фертами.

Тая моргнула. И ещё дважды. Уголки её губ поползли вверх.

Берзан заметил эту улыбку, перестал пинать медную банку и сделал полшага назад.

— Давайте вашу бумагу. — Тая шагнула к Кхаддину и протянула руку. — Четырнадцать солидов и сорок таленов, срок до Пьяного Моря. И десять таленов сверху, если тряхнёте Астерину как следует.

Кхаддин кивнул с благодушием кота, прижавшего лапоймышь. Сборщик вытащил бланк, уложил на папку и вписал нужные цифры мелким неоспоримым почерком.

— Прошу. — Он передал Тае бумагу и перо с серебряным наконечником. — С госпожой Тастияс я поговорю и бесплатно.

Берзан переводил взгляд с девушки на сборщика.

— Погодите. — Он заглянул в бумагу через плечо Таи. — А если мы найдём того, кто её задушил? Тогда пошлина с него?

— Труп в доме госпожи Хинфан. Репутация не в её пользу. Пошлина с неё. — Кхаддин не отрывал взгляда от пера в руках девушки. — Если всё ещё считаете, что тело подбросили — найдите виновного. Но мне он без надобности. Шантажируйте его, выбивайте монеты, делайте что хотите. Только не попадитесь на ещё одном трупе.

— Берзан, реакция под контролем. — Тая оставила на бумаге размашистую подпись и вернула Кхаддину. — Я знаю,

что делаю. Ну, узнаю. Часа через два. Или неделю. К Пьяному Морю точно буду знать.

Джейз Кхаддин аккуратно убрал в папку перо и длинную расписку, попрощался и наконец избавил лабораторию от своего присутствия.

Берзан скрестил руки на груди и навис над девушкой всей горой своей фигуры.

— Ну? И в чём план?

Тая прикусила кончик ногтя и обернулась к труп.

— Пункт первый: идём к Зетте.

— Опять есть? — Берзан закатил глаза. — Тая, там больше нет пирогов, помнишь?

— Зато ледник есть! — Она раскинула руки. — Мой-то вдребезги.

— Ты хочешь мертвяка хранить? — Берзан поднял брови и уставился на Зору. Зора тоже недоумевала. — В леднике Зетты? — Он растёр ладонями виски и мотнул головой. — Ладно. Зетта тебе сама всё выскажет, а я полюбуюсь. Но зачем?

Тая вытащила из мешка балансник и принялась разматывать шупы.

— Как зачем? Для некроманта. Надо выяснить, кто мне её притащил, и кому теперь колбу в окно зашвырнуть.

— Швырни Астерине — порадуй бабулю. — Берзан откинулся спиной на стену, наблюдая за девушкой. — Так ты решила заработать ещё и на некроманта? И где же твой ге-

ниальный план был все годы?

— Ну, знаешь... Может, моим мозгам не хватало хорошего стимула. — Тая присела на корточки у трупа, ткнула в мёртвую руку щупами, подержала и разочарованно вздохнула. — Без магии девица была.

— Да будь она с магией, не была бы куртизанкой.

— А вдруг имфир?

Берзан усмехнулся.

— Скажи ещё, что полновесный.

— Ну, не полновесный. — Тая поднялась и запихнула баллансник в мешок. — Но фоксаном могла быть. Скрывала магию чувств, а сама клиентам лишнюю любовь внушала, они и платили щедрее. За то и придушили, когда поняли. Логично?

— Складненько. Прямо заслушался. — Берзан подставил кулак под подбородок и покивал. — Только с таким даром она охмурила бы одного с кошельком потолще и не стояла бы в переулке.

Тая подцепила с каминной полки щепку и ткнула Берзана в живот.

— Ты просто не стремишься к открытию. — Она принялась выбрасывать пальцы. — Версия первая: слабый дар, которого только на лишний тален и хватало. Вторая: она маскировалась. Третья: ждала кого-то конкретного. Того, кто ходит именно тем переулком.

— Ага. А пока ждала одного, принимала всех. Даже твое-

го болвана-мужа. — Берзан оттолкнулся от стены. — Ладно. Пойду тачку раздобуду, пока не протухло тут.

В тачках, носилках и мешках недостатка в квартале не было. Всё, что ещё утром скупали втридорога, теперь сплавляли за ферты. Лужа выдохлась и обрушила рынок колёс и перевозок. Берзан вернулся быстро, приведя с собой ещё и плотника с досками. Тая выложила пять таленов, и молчаливый рукастый парень принялся заколачивать дыру.

Зору упаковали в простыни, и тачка с трупом, бодро стуча колёсами, покатилась в «Солёную кружку».

— Мертвяк на моём камбузе?! А элем угостить его не надо?!

Кухня сжалась от удара командирского голоса, а тесто попыталось уползти со стола. Тая едва удержалась на ногах. С потолка шлёпнулся кусок замазки.

— Берзан! Мало того, что куртизанку обрюхатил, теперь ещё и вторую приволок? Мёртвую! Ты хоть мимо одной пройти можешь?

Парень стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и с видимым удовольствием любовался представлением.

— Вперёд, гений. — Он с улыбкой глянул на Таю. — У тебя же был план. Преврати её гнев в солнечных зайчиков.

Тая сглотнула.

— Это... моя, — выдавила она, не отпуская ручку двери. Зетта перехватила скалку и набрала воздуха в грудь.

— Сюда слушай, чайка! Или эта краля шас встаёт и чистит

рыбу, или я вас троих засолю в бочке с лимонами!

Тая прикинула, можно ли засолить труп вместо заморозки, но решила, что ставить эксперимент на материале для некроманта слишком рискованно. За солёный труп маг наверняка потребует доплату.

— Зетта. — Тая собрала решительность в кулак и шагнула вперёд. — Давай договоримся. Я согласна на лимоны. Засолю сколько скажешь. Реагентов пока нет, но я...

Зетта с грохотом опустила скалку на крышку ближайшей бочки. Лимоны внутри дрогнули и стали просаливаться быстрее.

— Да ты хоть чуешь, сколько на меня навесят, если в таверне мертвяка найдут?

— Так пошлина уже моя. — Тая развела руками. — Четырнадцать солидов. Труп нашёл своего плательщика, а дважды за одно тело не дерут.

— Ты Кхаддину платишь в своём квартале, а труп притащила в мой! Здесь сборщик — Рослут. — Зетта сдула с лица прядку светло-русых волос. — Он мне карманы вывернет раньше, чем ты добежишь до Кхаддина за справкой.

Зетта выдохнула и продолжила раскатывать кругляши теста, уже без видимого желания их убить. Берзан отклеился от косяка, прошёл к бочонку и плеснул эля в кружку.

— Так. — Зетта выложила на тесто ложку начинки. — В чулане старый ледник пылится. Треснутый, но починишь. Забирай и кати к себе вместе с мертвяком. — Она пристук-

нула пальцем по столешнице. — Но за аренду ледника организуешь сбыт лимонов. Рассол вари или аскарийца завлекай — плевать, хоть голой пляши. Сегодня вечером сделаешь.

Тая подпрыгнула и присела. Внутри шевельнулась благодарность, разбавленная подозрением, что она попала в рабство не только к Кхаддину. Но здесь пока не требовали денег. — Берзан, помоги ледник...

Она осеклась, наткнувшись на взгляд друга. Взгляд был тяжёлый, как дубовый гроб, и такой же неумолимый. Берзан хлопнул ладонью по кружке, явно не собираясь шевелиться, пока не допьёт. Тая покосилась на труп, мысленно извинилась за задержку и налила эля себе. Она уселась за стол, наблюдая за руками трактирщицы. Они лепили пироги подозрительной формы.

Зетта зачерпнула начинку из глиняной миски.

— Что делать-то собралась, выкладывай.

— Перегонный куб найду, и у меня песок есть, из него рассол с гильдейской магией воды...

— Да не про лимоны я! — Зетта махнула ложкой. Начинка сорвалась, вцепилась в стену, на миг задумалась и нехотя поползла вниз. — Четырнадцать солидов где собралась достать? Не шутики ведь.

Тая отпила эля, провожая взглядом мясной фарш на стене.

— Пьяное Море. — Она подалась вперёд и понизила голос, хотя подслушать мог разве что мертвец. — На Пья-

ное Море всегда салют. Помните прошлогодний? Русалки в небе, звёзды в бухте, рыбы из радужных пузырей. Это же заказ префектуры. Они нанимают алхимиков, оплачивают всё: компоненты, инструменты, фоксанов. И у алхимиков гонораны щедрые. — Она отхлебнула ещё и вскинула голову. — Мне просто нужно попасть в команду.

Зетта переглянулась с Берзаном. Берзан обернулся к трупу и дёрнул подбородком, словно спрашивая его мнение. Лицо Зоры закрывали простыни, так что парень не понял ответ. Пришлось думать самому.

— Давай-ка слово «щедрые» в монетах посчитаем. — Он потёр двумя пальцами середину лба. — Стройку начинают за два месяца, так? Сколько они алхимику платят? Таленов двести в месяц? Триста? Ну, пусть в конце отсыплют полтыщи — это пять солидов. Где ещё девять?

Тая выхватила из-под рук Зетты кругляшок теста и хлопнула его на стол перед Берзаном.

— Рано считаешь, оценщик. Смотри. Набережная. — Она плюхнула в центр начинку. — И главная установка. Возле неё, — девушка натыкала вмятин вокруг фарша, — всегда алхимическая ярмарка. Ставлю лавку и продаю всё, что наварю за три месяца. Народу — толпы. Из моря все домой приходят, пьяные и щедрые.

Зетта отобрала недоделанный пирог и принялась защищать.

— Это ярмарка, чайка. Не соседке зелье всунуть. Там

орать надо, зазывать, расхваливать. — Она дёрнула плечом и прищурилась на Таю. — Тебе глазками хлопать больше надо. Вот это сработало бы.

Тая вздёрнула нос.

— Глазками — это не моя компетенция. И я на установке работать буду. А в палатку продавца найму. Хоть Мейсу. Ей по залу бегать уже тяжело будет, а сидеть и улыбаться — самое то.

Зетта ударила ложкой по миске и глянула на Таю из-под бровей.

— Ты Пьяное Море хоть раз видела? Не с крыши, а из-за стойки? — Она залепила тесто так, что оно пискнуло. — «Кружка» забита под самый чердак, народ пьёт, орёт, дерётся. Посуда бьётся быстрее, чем твои колбы. Мейсу не отдам. Даже если рожать начнёт — пусть рождает между подачами. Другого продавца ищи.

Берзан почесал затылок и отхлебнул эля.

— Ловко лепишь, Тая. Но салют — это работа с утра до ночи. Алхимики прям на набережной в палатках живут. Зелья для лавки ты когда варить будешь? И из чего? Лаборатория всмятку, а у тебя, — он кивнул на мешок, — огрызок и песок. Когда ты собралась за фоксанами бегать и магов отслеживать?

Тая улыбнулась так широко, что Берзан и Зетта невольно отпрянули. В тачке с Зорой что-то хрустнуло. Возможно, сухое дерево.

— Варить — по ночам. Я алхимик, мне не впервой. А компоненты... — глаза девушки блеснули азартом. — Вы видели, что там творится на установке? Ящики с реактивами, мешки опилок с гильдейской магией, инструменты, детали — горы всего. Редкое, дорогое. Клешни тенепряды в том году были! И никто не считает, сколько порошка на опыты ушло, а сколько мне в карман просыпалось. А если охрана будет, то она наружу смотрит. А я — внутри.

Тая откинулась на спинку стула и посмотрела на друзей так, будто четырнадцать солидов уже лежали в кармане, а Кхаддин умолял о прощении. Такой взгляд сопровождал каждую удачную идею девушки. Включая ту, что закончилась зелёным дымом идохлыми чайками.

Зетта хмыкнула и залепила очередной пирог. Берзан закинул руку за голову и уставился на бочки с лимонами.

— То есть, пошлину на труп оплатит префектура. Справедливо. — Он криво улыбнулся и приподнял кружку. — За план, лучше которого всё равно нет.

Две кружки встретились над столом с глухим глиняным стуком. Звук вышел сомнительный, но для плана, собранного из трупа, салюта и кражи клешней, — подходящий.

— Вы пока в долги влезали, я вот что разнюхала. — Зетта забрала у брата кружку, отпила и вернула. — Вчера двое сбитыми рожами зашли. Сидят за стойкой и спорят, кто кому врезал. И впрямь не помнят, не врут, по глазам видела. Болтали, что их там человек пятнадцать таких было. На складах

у набережной.

Тая выпрямилась. Пахло магией. Берзан подался вперёд и опустил локоть на стол. Его взгляд застыл на лице Зетты.

— Точно не спьяну память отбило?

— А я, по-твоему, пьянь не отличу? — Зетта фыркнула и стряхнула муку с рук. — Трезвее нас с тобой были. С работы шли. Помнят, как злость накатила, а дальше — туман. — Она придвинулась ближе. — Ведро рома на кон ставлю. Наше это дельце. Амулетное.

Берзан и Тая переглянулись. Глаза обоих чуть расширились и жадно засверкали. Чудо, которого они ждали восемь лет, наконец подмигнуло.

— Неуправляемый гнев и провал в памяти. — Тая кивнула и почесала ладонь. — Амулет в порту. И им пользуются. По улице носят.

— Так и потерять недолго. — Берзан усмехнулся. — Надо разнюхать, в чём он кармане. И напомнить ворью о награде.

Зетта уложила пирог в ряд и покосилась на брата.

— Смотри не напомни, что вещицу маг делал. Иначе своей долей в таверне рассчитаешься.

Берзан отмахнулся. Тая прочертила пальцем линию на столе.

— Вор и сам додуматься может. Случайно камень повернёт, и всё. Все вокруг передрались. Повторил — опять мордобой. На третий раз даже полено поймёт, что дело в магии.

Берзан пожал плечами.

— Для слишком догадливых есть кирпич в голову и бухта с видом на дно.

Зетта отняла у него кружку и осушила одним глотком.

— Ага. А не успеешь утопить — будет пошлина пожирнее самого амулета. — Она стукнула доньшком по столу и кивнула на Зору. — Всё, языками начесались. Тащите свою подругу отсюда. Она, бедная, уже в лёд просится. А ты, — Зетта ткнула пальцем в Таю, — вечером здесь. С тебя ещё аскариец.

Тая кивнула и рванула в чулан. Ледник оказался мощным, дубовым и весил как сейф префектуры. Двое работяг покрупнее Берзана с удовольствием приняли тален и без удовольствия — ношу. Тая подкинула на ладони кошелёк. По её оценке, он полегчал на вес самого ледника, не меньше.

Берзан вызвался отвезти Зору обратно. Он объезжал самые крупные камни, и труп подпрыгивал с должным достоинством. Ледник ждал. Труп предвкушал. Их отношения обещали быть гармоничней, чем у большинства живых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.